

УДК 821.161.1'09

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В. НАБОКОВА

Черемисина Харрер И.А.

ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск, Россия (634050, г. Томск, пр. Ленина, 30), e-mail: gwhcher@mail.ru

В статье рассматривается опыт преподавания В. Набоковым курса лекций по русской литературе в американских университетах 1940–1950-х годов, анализируются особенности его интерпретации роли классических произведений Пушкина, Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы XIX века. Преподавательская деятельность Набокова является, в том числе, большой пропагандистской работой писателя, предусматривающей знакомство англоязычной аудитории с лучшими произведениями русского художественного слова. Выступая с лекциями по русской литературе, Набоков использует собственные переводы на английский язык некоторых наиболее значимых, с его точки зрения, произведений русских классиков. К таким произведениям относится избранная лирика Пушкина, например стихотворения «Зимнее утро», «Эпиграмма на Воронцова», «Имя», «Подражание Корану», «К Жуковскому», «Поэт» и др., перевод и позднее комментарий к роману в стихах «Евгений Онегин», перевод романа Лермонтова «Герой нашего времени». Переводы на английский язык избранной лирики Пушкина, Лермонтова и Тютчева дважды издавались В. Набоковым. Курс лекций по русской литературе следует рассматривать как стремление писателя утвердить свое эстетическое кредо и свою причастность к литературному процессу XIX–XX веков, генетически восходящему к пушкинскому художественному слову, которое, по мнению Набокова, остается вневременным мерилем истинности и правдивости любого писателя. Критические размышления Набокова о поэтике произведений Гоголя являются ценным историко-культурным наследием, которое дополняет корпус литературоведческих исследований о великом русском писателе, авторе универсальных художественных повествований о русской жизни и судьбе русского человека, стремящегося постичь смысл бытия. «Пушкинский» взгляд Набокова позволяет писателю обрести целостность художественного осмысления жизни и так значимый для него независимый подход в выборе художественных средств и приемов для решения актуальных эстетических задач.

Ключевые слова: В. Набоков, лекции по русской литературе, литературная традиция, интерпретация текста.

V. NABOKOV'S LECTURES ON RUSSIAN LITERATURE

Cheremisina Harrer I.A.

¹Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Lenin Street, 30), e-mail: gwhcher@mail.ru

The article gives an overview of V. Nabokov's experience relating to teaching a course in Russian literature at American universities in the 1940-1950s, analyzes his peculiar interpretation of the role of classical works belonging to Pushkin, Lermontov and Gogol in the history of the 19th century Russian literature. The teaching activity of Nabokov goes alongside with huge propagandist work of the writer aimed at getting English-speaking audience acquainted with the best examples of Russian poetic word. Giving his lectures Nabokov uses his English translations of the exclusive works of Russian classical literature which, according to his opinion, represent the most remarkable literary compositions. These include selected Pushkin's lyrics, e.g. verses 'Winter morning', 'Epigram on Vorontsov', 'Name', 'Imitation of Koran', 'To Zhukovsky', 'Poet' and others, translation and later commentary to the novel in verse 'Eugene Onegin', translation of Lermontov's novel 'A Hero of Our Time'. Translations of selected Russian poetry from Pushkin, Lermontov and Tyutchev were published by Nabokov in two editions. The course of lectures in Russian literature should be considered as the writer's attempt to declare his esthetic credo and his affiliation to the literary process embracing 19th and 20th centuries genetically ascending to Pushkin's literary word that according to Nabokov remains an eternal standard of truthfulness and honesty of any writer. Nabokov's critical considerations about Gogol's poetics are regarded as valuable cultural heritage that complements the existing corpus of literary studies about the great Russian writer, the author of really universal narrations devoted to the Russian life and the fate of the Russian man seeking the philosophical sense of being. Pushkin's view implemented by Nabokov allows him finding integrity referring to artistic interpretation of the sense of life and significant for him an independent view in choosing literary means and techniques for solving actual esthetic tasks.

Keywords: V. Nabokov, lectures on Russian literature, literary tradition, text interpretation.

Введение

Работая с архивными материалами В. Набокова в швейцарском городе Монтрё, итальянская исследовательница Серена Витале обнаруживает досье, которое переводится с английского языка как «Лекции о Пушкине»; в нем помещены заметки и записи, сделанные В. Набоковым при подготовке курса лекций по русской литературе для студентов Корнельского университета [2]. В числе документов, в частности, имеются сами университетские лекции, переводы стихотворений А.С. Пушкина на английский язык, черновые наброски к лекциям по русской литературе и комментариям к роману «Евгений Онегин», а также другие авторские материалы в рукописях. Символичным эпиграфом ко всему курсу лекций служит пушкинское стихотворение «Из Пиндемонти» в переводе В. Набокова. Мудрая формула свободного творчества, выраженная А.С. Пушкиным, в полной мере соотносится с эстетическими устремлениями Набокова-писателя.

По верному слову Ив. Толстого, «Набоков ценит в чужом литературном наследии лишь то, что пестует в своем собственном – силу и непосредственность чувства, повествовательную опытность», когда авторская мысль выражена кратко, емко, эмоционально, а сам автор свободен от каких-либо обязательств, притязаний и ограничений [7]. В числе вышеупомянутых архивных материалов находятся также переводы таких поэтических произведений Пушкина, как, например, «Зимнее утро», «Эпиграмма на Воронцова», «Имя», «Подражание Корану», «К Жуковскому», «Поэт» и др. Изначально переведенные стихотворения предназначались для использования в практике преподавания курса русской литературы. Позднее некоторые из них были включены в комментарии к «Евгению Онегину» и вошли в сборник переводов русской поэзии «Три русских поэта» на английском языке [2; 13; 14].

В 1941 г. Набоков начал читать курс лекций по русской литературе в колледже Уэллсли и в этот период осознал необходимость выполнения переводов лирических стихотворений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева и высоко ценимого Набоковым романа в стихах «Евгений Онегин» [8; 11]. Достаточно продолжительная преподавательская деятельность Набокова в американских университетах на протяжении 1940–1950-х годов служила делу утверждения общечеловеческих принципов, органически присущих традиции русского художественного слова, поэтому значительность его вклада в развитие и пропаганду идей русской культуры не вызывает сомнений. Вместе с тем правомерно согласиться с мнением биографа Э. Филда, который отмечал, что «в этих искрометных и увлекательных лекциях очень многое определялось личным утверждением себя как художника исторической традиции, в которой он себя видел, и в определенной степени все это он создал для себя, поскольку был поэт» [10]. В России и на русском языке лекции по русской литературе Набокова были опубликованы в 1996 году и являются переводом

соответствующего английского издания 1981 г. [5]. Сборник материалов включает следующие статьи: «Писатели, цензура и читатели в России», «Николай Гоголь», «Иван Тургенев», «Федор Достоевский», «Лев Толстой», «Антон Чехов», «Максим Горький», «Пошляки и пошлость», «Искусство перевода», а также несколько эссе в формате приложения к основному корпусу литературно-критических статей: «Горжество добродетели», «О Ходасевиче», «Пушкин, или Правда и правдоподобие» и предисловие к «Герою нашего времени».

Цель исследования

Целью исследования является историко-литературный и историко-культурный анализ лекций В. Набокова о русской литературе XIX века, а также определение роли и места литературоведческого опыта писателя для формирования его художественного сознания.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования привлекались литературоведческие статьи В. Набокова о Пушкине, Лермонтове и Гоголе. Для анализа были использованы общенаучные и лингвистические методы: сравнительно-типологический, интерпретационный и описательный.

Результаты исследования

1. История написания Набоковым лекций по русской литературе связана, во-первых, с необходимостью выжить в жестких условиях эмиграции в Америке в творческом и просто житейском смысле. Создавать новые художественные произведения на русском языке представлялось бессмысленным занятием, поскольку аудитория, читающая на русском языке, была очень невелика, и прожить на вырученные от продажи книг средства было практически невозможно. Во-вторых, писать на английском языке «мистические истории» или «книги с добродетельными героями и томительными любовными сюжетами» по совету литературного агента все-таки оставалось неприемлемым для писателя, который на родном языке уже получил известность в качестве автора самобытных литературных произведений [4]. Поэтому предложение, поступившее из Стэнфордской летней школы в 1941 г. оказалось решением многих проблем для Набокова-писателя, так как преподавание русской литературы в университете являлось своего рода творчеством. Оно было напрямую связано с размышлениями Набокова о сущности, роли и значимости классической литературы и чтения художественных произведений для думающего и формирующегося человека (студентов американских университетов) и общества в целом. В то же время Набоков открывал для себя новую страницу в творческой биографии, становясь интерпретатором русской поэзии и прозы и пропагандистом идеалов русской литературы XIX века в англоязычной среде. Следующим творческим шагом Набокова стало создание романов на

английском языке «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (1941) и «Под знаком незаконнорожденных» (1947) при финансовой поддержке фонда Гугенхайма и по рекомендации известного в Америке литературного критика Э. Уилсона [3]. Знакомство, а впоследствии весьма неоднозначное и противоречивое сотрудничество с Э. Уилсоном, начавшись в контексте литературных дискуссий, перерастало из дружеских в непримиримые споры, что в конечном итоге привело к разрыву творческих отношений. Однако в начале творческого пути Набокова в Америке деловые контакты с Э. Уилсоном способствовали вхождению русского писателя в новую литературную среду.

2. В 1937 г. в Париже была опубликована статья Набокова «Пушкин, или Правда и правдоподобие», написанная по-французски и генетически восходящая к курсу лекций по русской литературе [5]. В ней автор предельно четко формулирует принципы подлинного искусства. По мысли Набокова, Пушкин являет собою идеальный образец служения Музе, ибо в самых «затаенных уголках» его поэтического творчества звучит истина, нерушимая как сознание, и это истина искусства. В своих художественных произведениях он так же естественен и гармоничен, как сама жизнь, его искусство заключается в живописной, богатой смысловыми оттенками правде жизни: «Тогда жизнь становится занимательной, когда погружаешься в такое состояние духа, при котором самые простые вещи раскрываются перед нами в своем особенном блеске» [5]. В окружающей действительности по-прежнему остаются в почете добро и красота, а Пушкин умел находить их в повседневной жизни и художественно осмыслять в своих произведениях (ярким примером служит пушкинская лирика), и в этом Набоков видит смысл литературного творчества. Жизненный оптимизм и открытость движению жизни созвучна эстетике самого Набокова, мастера повествовательных деталей и создателя целой галереи ярких узнаваемых образов, наделенного оптимистичным отношением к жизни: «Если же жизнь иногда кажется мрачной, то только от близорукости. Для тех, кто умеет смотреть, она предстает такой же полной открытий и наслаждений, какой она являлась поэтам прошлого» [5].

3. Как вполне осознанный шаг следует рассматривать обращение Набокова к переводу романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», который он выполнил в 1958 г. совместно с сыном Дмитрием [9]. Думается, Набокову понятны и близки и характерные романтические мироощущения Лермонтова и присущее ему повседневное творческое постижение жизни. Но вместе с тем он не разделяет пессимизма писателя, темной печали и уныния в оценке человеческого бытия. Так, в предисловии к английскому переводу романа Набоков-литератор, в частности, отмечает новизну художественного мышления молодого писателя, которое отчетливо прослеживается в создании целостной картины глубоко личного восприятия мира, сообщающей всему повествованию эпичность, при этом

автобиографическое начало обретает статус общечеловеческой значимости: «Автор постарался отделить себя от своего героя, однако для читателя с повышенной восприимчивостью щемящий лиризм и очарование этой книги в значительной мере заключаются в том, что трагическая судьба самого Лермонтова каким-то образом проецируется на судьбу Печорина» [5].

В лермонтовском романе Набокова привлекает, прежде всего, оригинальность и новизна сюжетно-композиционного решения. Так называемая спиральная композиция (термин Набокова), основу которой составляют принцип смещенной хронологической последовательности и принцип стереоскопического (объемного) изображения персонажа, актуализирует диалогичность романа, оттеняет динамику авторской мысли и в конечном счете подчиняется художественной правде повествования.

4. Гоголь, несомненно, один из самых любимых писателей Набокова, следовательно, в своей эстетической концепции творчества он не может не учитывать художественный опыт великого русского прозаика, причем сам факт какого-либо влияния Гоголя не следует понимать чересчур буквально: «Отчаявшиеся русские критики, трудясь над тем, чтобы определить влияние и уложить мои романы на подходящую полочку, раза два привязывали меня к Гоголю, но поглядев еще раз, увидели, что я развязал узлы, и полка оказалась пустой» [5]. В одном из интервью Набоков прямо заявляет: «Я внимательно следил за тем, чтобы ничего не взять у Гоголя. Как учитель он сомнителен и опасен. В своих худших украинских вещах он никчемный писатель; в своих лучших он неподражаем и ни с чем не сравним» [12].

По мнению Набокова, Гоголь является великим писателем мировой литературы, который отличается универсальной способностью художественного обобщения целостности бытия. Для Набокова-писателя он в первую очередь значителен как тонкий стилист, у которого мастерское владение словом сочетается с глубокой эпичностью и откровенным лиризмом повествования: «Его произведения, как и всякая великая литература, – это феномен языка, а не идей» [5]. Его стиль, по мысли Набокова, обладает особой кривизной, подобной кривизне жизненного пространства, потому «*подлинный* сюжет (как всегда у Гоголя) в стиле, во внутренней структуре» [5]. Набоков глубоко убежден, что великая литература идет по краю иррационального, и у Гоголя «иррациональные сдвиги», «которые одновременно затемняли фразу и вскрывали тайный смысл», являются основой его искусства [5]. Поэтому, по верному наблюдению Набокова, художественное достоинство произведения «зависит (как и во всяком шедевре) не от того, *что* сказано, а от того, *как* сказано, от блистательного сочетания маловыразительных частных». Дело в том, что «гений Гоголя пользуется не основными химическими свойствами материи («подлинной

действительностью» литературных критиков), а способными к мимикрии физическими явлениями, почти невидимыми частицами воссозданного бытия» [5].

5. К числу шедевров гоголевского поэтического слова Набоков в соответствии с присущей ему эстетикой восприятия действительности относит пьесу «Ревизор», поэму «Мертвые души» и повесть «Шинель», так как в них отражается подлинная жизнь художника. Отмечая художественное совершенство произведения «Ревизор», которое, по мнению Набокова, не было комедией, он, в частности, использует знаковые эпитеты. По его определению, пьеса «Ревизор» является «самой великой пьесой, написанной в России». Или, говоря иными словами, «тайнами иррационального, познаваемыми при помощи рациональной речи» [5]. Иными словами, в «Ревизоре» Гоголю удалось создать настоящую живую жизнь: «Пьеса начинается с ослепительной вспышки молнии и кончается ударом грома», и, таким образом, весь мир представляет собой «трепетный голубой всполох», в центре которого мы находимся [5]. Гений гоголевского духа искрящимся светом озаряет низкую действительность реальной жизни, при этом художественный мир Гоголя оказывается зеркальным пространством с особым способом отражения, «потусторонний мир, который словно прорывается сквозь фон пьесы, и есть подлинное царство Гоголя» [5].

6. По справедливому определению Набокова, произведение «Мертвые души» является поистине энциклопедической поэмой об опасности бездуховности человеческого существования, которому прямо противостоит стремящееся постичь суть явления активное авторское сознание. Пронзительный лиризм гоголевских раздумий о судьбах родины и народа (во многом созвучный мироощущению самого Набокова в условиях территориальной и культурной эмиграции) явственно подчеркивает высокую нравственную позицию художника, наделенного равнодушным взглядом на окружающую его действительность: «Мысли о России, какой ее видел Гоголь (необычный пейзаж, особая атмосфера, символом которой является длинная, длинная дорога) прорисовывается во всей своей причудливой прелести сквозь грандиозное сновидение поэмы» [5]. Период, когда создавались очерки о Гоголе, представлялся чрезвычайно драматичным этапом в творческой судьбе Набокова. Это был период «мучительного перехода на второй язык», когда писатель был вынужден отказаться от «музыкально недоговоренного лада» русского языка и перейти на «второстепенный» английский язык [6].

7. Подлинным триумфом иррационального прозрения Гоголя именует Набоков знаковую для последующей русской литературы повесть «Шинель» – «гротеск и мрачный кошмар, пробивающий черные дыры в смутной картине жизни», а сами «провалы и зияния в ткани гоголевского стиля соответствуют разрывам в ткани самой жизни» [5]. По Набокову, творческое прочтение повести выявляет изначальную абсурдность и трагичность

призрачного мира и человека, тщетно стремящегося к достижению тщетной цели. Он, в частности, заключает: « <...> мир этот *есть*, и он исключает все, что может его разрушить, поэтому всякое усовершенствование, всякая борьба, всякая нравственная цель или усилие достичь так же немислимы, как изменение звездной орбиты» [5].

8. В лучших гоголевских произведениях тесно ощутима преемственная связь с пушкинской традицией поэтического слова. Однако болезненный мистицизм, первые признаки которого реально наметились вскоре после написания «Ревизора» и появления настойчивых социально-сатирических интерпретаций пьесы, в конечном счете, уничтожили в Гоголе художника. Он окончательно утратил «волшебную способность творить жизнь из ничего», и в безуспешных попытках объяснить свои гениальные произведения самому себе, критикам и читателям вполне сознательно проложил проповеднический путь, далеко отстоящий от сущностных основ искусства [5]. Набоков, конечно, осознавал весь драматизм необратимого раздвоения души Гоголя и сам, как художник, сумел отстоять писательскую независимость, полностью доверившись правдивому изображению действительности, что фактически и является главным предназначением и призванием художника. Гоголь, тем не менее, оказал ощутимое эстетическое влияние на формирование творческого самосознания Набокова главным образом как безупречный мастер поэтического слова и как художник, гениально запечатлевший органическую устремленность человека к высокой духовности и полноте бытия.

Выводы

Подводя итоги, нужно отметить, что лекционный курс Набокова по русской литературе следует рассматривать с позиции пушкинского понимания нравственно-эстетической функции художественного слова [1; 4]. «Пушкинский» взгляд Набокова рассматривается нами как стремление писателя восстановить целостный историко-культурный контекст развития русской эстетической мысли от Пушкина до Гоголя и продолжить эту традицию в XX веке. Для Набокова-писателя, находящегося вдали от исторической Родины и отделенного от русского языка, эстетически и культурологически принципиально важно указать на связь своего писательского творчества и истоков русской литературной традиции. Вынужденный отказ от русского языка в условиях эмиграции в 1940-е гг., воспринимавшийся Набоковым как глубоко личная трагедия, был определенным образом преодолен благодаря приобщению писателя к творческой работе над подготовкой лекций по русской литературе и переводу избранных и знаковых для писателя произведений русской классики на английский язык.

Список литературы

1. Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом // Звезда. — 1996. — № 11. — С. 57.
2. Витале С. Пушкиниана в архиве В.В. Набокова // Набоковский вестник. Выпуск 5. Юбилейный. — СПб. : Дорн, 2000. — 256 с.
3. Зверев А.М. Набоков. — 2-е изд. - М. : Мол. гвардия, 2004. — 453 с.
4. Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл // Звезда. — 1996. — № 11. — С. 69-70.
5. Набоков В. Лекции по русской литературе / пер. с англ., предисловие Ив. Толстого. — М. : Независимая газета, 1996. — 440 с.
6. Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова: первая русская биография писателя. — М. : Пенаты, 1995. — 570 с.
7. Толстой И. Несколько слов о «главном герое» Набокова // Набоков В. Лекции по русской литературе / пер. с англ., предисловие Ив. Толстого. — М. : Независимая газета, 1996. — 440 с.
8. Фанк С. В. Набоков. Перевод «Евгения Онегина» // А.С. Пушкин и В.В. Набоков : сб. докладов Международной конференции; отв. ред. В.П. Старк. — СПб. : Дорн, 1999. — 383 с.
9. A Hero of Our Time. Translation of Mikhail Lermontov's Geroi nashego vremeni. — N.Y., 1958. — 186 p.
10. Field A. Nabokov: His life in part. — N. Y. : The Viking Press, 1977. — 285 p.
11. Nabokov V. Selected Letters 1940-1977 // Nabokov D. & Brucoli M.J., ed. — San Diego, 1989. — 582 p.
12. Nabokov V. Strong Opinions. — N.Y., 1973. — 368 p.
13. Poems. Transl. from the Russ. by Vladimir Nabokov. — London, 1947. — 57 p.
14. Three Russian poets. Selections from Pushkin, Lermontov and Tyutchev in new translations by Vladimir Nabokov. — Norfolk, Conn., the Poets of the year, 1944. — 39 p.

Рецензенты:

Романов А.А., д.фил.н., профессор, профессор-консультант, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.

Кобенко Ю.В., д.фил.н., доцент, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.